

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

НИНА ФЕОКТИСТОВА

БЫВШИЕ

МЕЖДУ *Душманом*

Нина Феокистова

Бывшие. Между нами тишина.

<https://litres.ru/74298872>

SelfPub; 2026

Аннотация

Инга узнает о том, что у ее мужа есть любовница и он планирует от нее уйти. Она в отчаянии, но ей на помощь приходит заместитель ее мужа, Руслан. Инге предстоит сделать непростой выбор: простить мужа или доверить свое сердце Руслану?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Бывшие. Между нами тишина.

Глава

Глава 1.

Я стояла на кухне и с ужасом смотрела на градусник. Тридцать девять и девять. Сердце ухнуло куда-то вниз. Моя Амалия, моя крошка, которой недавно исполнилось два года, лежала в кроватке и даже не плакала. Она просто смотрела в одну точку и тяжело дышала. Её маленькое тельце горело. Я потрогала её лоб — он был как раскаленная печка.

Детский педиатр, которого я вызывала утром, ничего страшного не обнаружила, сказала, что это обычная простуда. Но я думала иначе.

— Амалия, доченька, — шептала я, — попей водички, ну пожалуйста.

Она даже не смогла открыть рот. Амалия просто смотрела на меня мутными глазами и будто не узнавала. Мне стало по — настоящему страшно. Так, бывает когда понимаешь, что смерть ходит совсем рядом.

Я побежала в ванную, намочила полотенце холодной водой, положила ей на лоб. Бесполезно: полотенце нагрелось через минуту. Я дала жаропонижающее — ноль реакции. Че-

рез полчаса снова померила температуру, она держалась такой же.

— Господи, — выдохнула я. — Господи, помоги мне.

Я взяла телефон. Руки тряслись так, что я дважды роняла его. Набрала Давида: первый грудок, второй, третий... Он не брал трубку. Я думала, что сойду с ума.

— Ну возьми же трубку, возьми, пожалуйста, — бормотала я.

Четвертый гудок, пятый. Он сбросил звонок.

Я набрала снова. Опять сброс.

В третий раз он взял трубку. Но его голос был такой ледяной, будто я помешала чему-то важному. Хотя, что может быть важнее ребенка???

— Что тебе нужно? Мне некогда, — коротко бросил он.

— Давид, слава богу, ты ответил, — затараторила я. — У Амалии температура почти сорок. Я не могу его сбить уже два часа. Давала ей парацетамол, но он ей не помогает. Она не пьет, не ест, лежит и не двигается. Давид, я боюсь, я очень боюсь, приезжай, пожалуйста, ради бога.

В трубке повисла тишина. Такая тяжелая, что я подумала — он сбросил вызов.

— Давид? Ты слышишь меня?

— Слышу, — наконец сказал он. И голос у него был не встревоженный, а злой. Как будто я ему сделала что-то плохое.

— Инга, ну что ты от меня хочешь? Я тебе сто раз говорил

— если у ребенка температура, вызывай скорую. Для этого она и существуют, если ты не знала.

— Давид, у нее не просто температура, — я заговорила громче, потому что он меня не слушал. — Она вся горит! Я не знаю, что мне делать! Может это менингит или еще что-то! Ты же отец, ты должен быть здесь, рядом!

— Не учи меня, что мне делать, — отрезал он. — Я прекрасно знаю, что я отец, ты не даешь об этом забыть ни на минуту. Я на работе, обеспечиваю нашу семью. Пока ты сидишь дома, я тащу на себе всё. У меня сейчас совещание, меня ждут восемь человек, а ты занимаешь мое время.

— Да какое совещание?! — закричала я. В горле встал ком, слезы брызнули из глаз. — Наш ребенок может умереть, а ты говоришь про совещание?!

— Не преувеличивай, — ледяным тоном сказал он. — От температуры ещё никто не умирал. Ты всегда делаешь из мухи слона. Помнишь, в прошлый раз ты тоже подняла панику, а у нее был обычный вирус?

— В прошлый раз было тридцать восемь! А сейчас почти сорок! Ты вообще понимаешь, что и ты говоришь?! У неё же могут быть судороги, она может потерять сознание!

— Тогда вызывай скорую, — повторил он, как робот. — Чего ты мне мозг выносишь?

— Я звоню тебе, потому что ты мой муж! Потому что я одна! Потому что мне страшно, Давид! Мне очень страшно! — я уже рыдала в голос, не скрывая своего отчаяния. —

Приезжай домой, ну пожалуйста. Просто будь с нами рядом. Я не справлюсь одна.

Он вздохнул. Этот вздох был хуже любого слова. В нем было столько раздражения, столько усталости, что я физически почувствовала, как он меня ненавидит в эту минуту.

— Инга, послушай меня внимательно, — сказал он медленно, как умственно отсталой. — Я не могу сейчас приехать. У меня очень важное совещание. Если я сейчас сорвусь, я потеряю крупный контракт. Ты хочешь, чтобы мы остались без средств к существованию?

— При чем тут деньги?! — закричала я. — Я не прошу тебя бросать работу навсегда! Я прошу приехать, потому что у твоей дочери критическая температура!

— Ну вот ты всегда так, — сказал он с какой-то гадкой усмешкой в голосе. — Все время думаешь только о себе. О том, что тебе страшно. А кто подумает обо мне? О том, как я сейчас себя чувствую? О том, что мне например некогда?

Я замолчала. Слезы текли по щекам, но я перестала их вытирать. Я просто стояла посреди кухни и слушала этот бред.

— То есть, ты не приедешь? — тихо спросила я.

— Не приеду, — ответил он. — Вызывай скорую. Решай свои проблемы сама. Ты взрослая женщина, в конце концов. Я не могу всё время быть твоей нянькой.

— Давид, — прошептала я, — она же твоя дочь. Твоя кровь и плоть. Как ты так можешь поступать?

— А ты моя жена, — сказал он жестко. — И у тебя тоже

есть обязанности: а именно следить за здоровьем дочери. Я устал от твоих истерик. Ничего серьезного не случилось, не наводи панику на пустом месте. У меня больше нет сил выслушивать это.

— Это не просто паника. У Ами температура, которая может ее убить.

— Хватит драматизировать, — отрезал он. — Я сказал — вызывай скорую. Всё. У меня больше нет времени слушать твою болтовню.

Я услышала короткий щелчок, но связь не прервалась. Видимо, он просто положил телефон на стол, думая, что я уже повесила трубку.

Я уже хотела сбросить вызов. Но вдруг послышался шорох и я услышала его голос. Только теперь он говорил не со мной. Он говорил с кем-то, кто был рядом с ним в это время.

— Господи, как же она меня достала, — сказал Давид. Устало, зло. — Каждый день одно и то же. Ребенок, ребенок, ребенок. А я? Я вообще что-то для нее значу?

В ответ послышался женский смех.

— Ну что там твоя благоверная? — спросил голос. — Опять скандалит?

— Ты даже не представляешь как, — ответил Давид. — У Амалии температура поднялась. Так она истерит, требует срочно приехать домой.

— Ого, — протянула она. — И что ты собираешься делать?

— Ничего, — сказал он. — Пусть вызывает скорую. Я ей сто раз говорил — вызывай врачей, не дёргай меня. Но нет. Ей нужно, чтобы я прибежал сломя голову и сидел у неё в ногах как верный пес.

— Но ты, надеюсь не побежишь? — в голосе женщины слышалась улыбка.

— Конечно, нет. Я так устал от неё. От её вечных претензий, от её нытья. Она стала просто невыносимой после родов.

— Бедненький ты мой, — мурлыкнула она. — Такой мужчина, а мучается с конченной истеричкой.

— Вот поэтому я с тобой, — сказал Давид. — Ты — моя отдушина. С тобой я отдыхаю душой и телом.

— А почему я все еще просто отдушина, а не жена? — в её голосе появились капризные нотки. — Давид! Сколько можно еще ждать? Ты же обещал, что скоро разведешься со своей клушей.

— Алёна, ну не начинай. Дай мне время. Сейчас Амалия подрастет, станет полегче, и я с ней обязательно поговорю.

— Ты уже год как обещаешь, — обиженно протянула она.

— Потому что год назад дочь была еще маленькая и нас бы точно не развели.

Я стояла и молча слушала. Меня трясло. Не от холода — от того, что я слышала. Мой муж. Отец моей дочери. Обсуждает наш развод со своей любовницей. Планирует, когда ему будет выгодно меня бросить.

— А если она не захочет развода? — спросила Алёна.—

Она ведь серая мышь, где еще она такого мужчину найдет.

— Ее мнение меня мало интересует, — усмехнулся Давид. — Я и так ее долго терпел. И чем только думал, когда женился на ней!

— Ой, ты такой жестокий, — засмеялась она. — Скажи, а меня ты любишь?

— Люблю, — сказал он. — Поэтому и хочу подготовить всё заранее. Терпи, скоро всё закончится. Знаешь, она мне уже надоела хуже горькой редьки. Вечно уставшая, в замызганной пижаме, носится со своим материнством.

— А если с Амалией правда что-то серьезное? — вдруг спросила Алёна. — Ну, температура так-то очень высокая...

— Да ничего с ней не будет, — отмахнулся Давид. — Инга вечно все преувеличивает. В прошлый раз тоже говорила — задыхается, а приехавшие врачи обнаружили у нее обычный насморк. Просто так она хочет привлечь мое внимание, вот и все.

— Ладно, забудь, — сказала она. — Иди ко мне, я соскучилась. Пусть она сама во всем разбирается.

— Иди сюда, моя любимая — ответил он. И я услышала звук поцелуя.

Глава 2.

Не знаю, как я удержалась и не упала:

ноги просто подкосились. Я сползла по стене на пол, все еще прижимая телефон к уху. Звук поцелуя. Он целует её. Пока наша дочь лежит с температурой. Пока я тут одна, в

этом проклятом доме, схожу с ума от страха.

Я не помню, как выключила телефон. Не помню, как зашла в комнату. Помню только, что Амалия открыла глаза и посмотрела на меня. У неё были мутные глаза, но она узнала меня.

— Мама, мамочка — прошептала она. — Мне очень плохо.

— Все будет хорошо, доченька, — сказала я. — Мама здесь, мама рядом.

Я набрала 103. Коротко, без эмоций описала ситуацию. Потому что внутри меня что-то сломалось, что-то умерло. Та женщина, которая любила Давида, которая верила ему, которая просыпалась с мыслью о нем — она исчезла в ту секунду, когда услышала его разговор с любовницей.

— Мочалина 12, ребенок, два года, температура тридцать девять и девять, не сбивается, вялая, ни на что не реагирует.

— Мамочка, не бросайте трубку, мы выезжаем, — сказала диспетчер.

Я сидела на полу, держа горячую ручку Амалии и смотрела в одну точку. В голове крутились его слова. «Надоела хуже горькой редьки». «Вечно в пижаме». «Я ее и так долго терпел».

А я-то думала, что он просто устает на работе. Жалела его, старалась быть лучше — готовила его любимые блюда, убиралась, чтобы дома было чисто, не просила помощи, потому что «он очень устал».

А у него оказывается, есть другая женщина и уже давно.

Мне вдруг стало дурно, я наклонилась и меня затошнило.

Еле успела добежать до ванной и меня вырвало.

Амалия заплакала в комнате: тоненько, жалобно. Я вытерла рот рукой и подошла к ней.

— Тише, тише, мамочка здесь. Скоро доктор приедет, тебе станет легче.

Она сжала мою руку. Так сильно, как только могла.

— Мама, не уходи, — прошептала она.

— Никуда не уйду, — сказала я. — Никогда. Я всегда буду рядом, моя любимая малышка.

Скорая приехала через десять минут. Но мне показалось — прошла целая вечность.

Фельдшер забежала в квартиру, посмотрела на Амалию и лицо ее стало серьезным.

— Как долго держится температура?

— Третий час. Не сбивается никакими жаропонижающими.

— Вы одна? Мы вас забираем в больницу. Позвоните мужу, предупредите его. — сказала она, подключая капельницу.

— Мужа нет дома, — сказала я пустым голосом.

— Когда он приедет?

— Наверное никогда.

Она посмотрела на меня. Увидела мои глаза — красные, опухшие, пустые. И всё поняла. Таких женщин, как я, она

наверное видит каждый день.

— Собирайте вещи, мамочка. Поехали. С вами всё будет хорошо.

— Главное, что б с дочкой было хорошо— сказала я. — Я нормально.

— И с вами будет все хорошо, — тихо ответила она. — Только не быстро и не сразу.

В машине скорой я смотрела на Амалию. Она уснула сразу после укола. Дышала уже ровно, температура начала падать.

Я достала телефон. На экране — ни одного сообщения. Ни одного пропущенного. Давид даже не спросил, вызвала ли я скорую. Даже не поинтересовался, как себя чувствует наша дочь. Видимо, ему сейчас не до нас...

Долго смотрела на последний вызов, который открыл мне глаза и поняла: я больше никогда не хочу его слышать. Потому что тот человек, за которого я выходила замуж, умер для меня... Или его никогда не было. Был просто хороший актер, который три года играл спектакль про любовь.

А я купилась на это.

Полная дура, Как же раньше я этого не замечала.

Какая же я идиотка!!!

Глава 3.

Приемный покой встретил нас запахом лекарств. Амалию у меня сразу забрали — положили на каталку, и она заплакала, протягивая ко мне свои маленькие ручки.

— Мама! Мамочка!

— Я здесь, здесь, — говорила я, следуя за каталкой по длинному коридору. — Я никуда не уйду.

— Мамочка, не бросай меня! — плакала она, и эти слова резанули по сердцу с такой силой, будто в меня воткнули нож.

— Никогда не брошу, слышишь? Никогда!

Нас завели в кабинет. Две койки, тумбочка, зашторенное окно. Врач — пожилая женщина с усталыми глазами — быстро осмотрела Амалию, слушая ее дыхание, и я видела, как ее лицо становится все мрачнее и мрачнее.

— Раздевайте ребенка, — сказала она медсестре. — Срочно отправляем ее рентген.

— Что с ней? — мой голос дрожал. — Скажите мне правду.

Врач молча посмотрела на меня. В её взгляде было что-то такое, отчего мои ноги стали ватными.

— Судя по хрипам и тому, что температура не сбивалась долгое время, я подозреваю пневмонию. Возможно, даже двустороннюю. Но рентген покажет точнее.

— Пневмонию? — я почувствовала, как пол уходит из-под ног. — Но как? Я следила за ней, одевала тепло, не гуляла, когда был сильный ветер...

— Мамочка, это не ваша вина, — мягко сказала врач. — Пневмония может развиваться даже у идеально здорового ребенка. Иногда это просто осложнение после вируса. Не корите себя. Сейчас главное — начать лечение.

Амалию увезли на рентген. Я осталась в палате одна. Села на койку и закрыла лицо руками. Слезы текли сквозь пальцы, и я не могла их остановить.

«Двусторонняя пневмония» — эти слова стучали в голове, как приговор.

Я вспомнила историю подруги сестры — её ребенок заболел пневмонией в два года, пролежал в реанимации две недели, еле откачали.

Я достала телефон. И замерла.

Кому звонить? Давиду? После того, что я слышала? После того, как он сказал, что я ему надоела хуже горькой редьки? После того, как он целовал другую женщину, пока наша дочь горела в жару?

Нет. Никогда.

Но мне нужно кому-то хоть выговорится или я сойду сума. Тому, кто скажет, что все будет хорошо и кто просто побудет со мной рядом.

Я пролистала контакты до буквы «М». Мама.

Мама. Конечно. Она придет. Она поможет. Она же моя мама.

Я нажала вызов. Трубку взяли не сразу. На фоне слышалась музыка — приглушенная, но явно не из дома. Ресторанная.

— Инга? — голос мамы был какой-то рассеянный, будто я отвлекла ее от чего-то важного. — Ты чего звонишь? Поздно уже.

— Мам, — я заговорила и тут же почувствовала, как к горлу подступают слезы. — Мам, у Амалии температура под сорок. Мы в больнице. Врачи говорят, подозрение на двустороннюю пневмонию.

— О господи, — сказала мама. Но в ее голосе не было той паники, которую я ожидала. Было скорее... раздражение? — И что они говорят?

— Сказали, что если бы приехали на день позже, не давали бы гарантий, — всхлипнула я. — Мам, я так боюсь. Я очень боюсь. Приезжай, пожалуйста.

В трубке повисла пауза. Я слышала, как мама кому-то что-то говорит вполголоса. Потом снова заговорила со мной, но голос стал тише, будто она отошла в сторону.

— Инга, ну я сейчас не могу, — сказала она. — Понимаешь, я не одна. Мы с Виктором в ресторане. У него сегодня презентация проекта, очень важные люди собрались...

— Мама, — перебила я. В горле встал ком. — У твоей единственной внучки воспаление легких. Она может умереть. А ты говоришь про презентацию?

— Не драматизируй, — в мамином голосе появились знакомые нотки. Те же, что и у Давида. Как будто они сговорились. — Пневмония — это не смертельный приговор. Сейчас есть антибиотики, все лечится. Я сама в детстве болела, ничего, выжила.

— Мама, — прошептала я. — Мне очень страшно. Я одна. Давид... Давида нет. И наверное не будет. Пожалуйста.

Просто приезжай. Побудь со мной.

— А что с Давидом? — перебила она. — Вы с ним поругались? Инга, сколько можно? Вы вечно ссоритесь, я уже устала от ваших разборок.

— Мама, он мне изменяет, — сказала я. И эти слова прозвучали так громко в тишине больничной палаты, что я сама их испугалась. — У него есть другая. Я слышала их разговор. Он планирует со мной развестись.

Мама молчала. Так долго, что я подумала — связь прервалась.

— Мам?

— Инга, — наконец сказала она. И голос у нее был усталый и раздраженный — Ты уверена, что тебе не показалось? Может, ты просто это придумала сама на нервной почве...

— Я все слышала, мама! — закричала я. — Слово в слово! Как он говорил ей, что любит ее! Как она назвала меня конченной истеричкой! Как он сказал, что я надоела ему хуже горькой редьки!

— Тише, тише, — мама понизила голос. Видимо, кто-то из ресторана обернулся на ее телефонный разговор. — Инга, послушай меня. Сейчас не время для скандалов. Сейчас нужно думать о ребенке. Ты должна быть мудрой и сильной.

— Я и пытаюсь быть сильной, — всхлипнула я. — Но я не могу одна, мама. Мне нужна поддержка. Мне нужна ты.

— И я тебе говорю — сейчас не могу, — в ее голосе появилась твердость. — Завтра утром приеду. Обещаю. А се-

годня... сегодня Виктор очень рассчитывает на меня. У него важные переговоры, я нужна ему для поддержки.

Я закрыла глаза. Слезы катились по щекам.

— То есть ты выбираешь какого-то мужика, — сказала я тихо. — Вместо своей дочери. Вместо своей внучки.

— Не смей меня ни в чем упрекать! — мамин голос стал резким. — Я одна тебя растила, между прочим! Никто мне не помогал! И ничего, вырастила! А сейчас у меня наконец-то появилась личная жизнь, и я имею право на счастье, поняла? Я устала быть для всех спасательным кругом!

— Я не прошу тебя быть спасательным кругом, — прошептала я. — Я прошу просто приехать. Просто побыть рядом со мной. Час. Два. А потом можешь возвращаться к своему Виктору.

— Я не могу сейчас уйти, пойми — отрезала мама. — Пойми. Это будет неуважением с моей стороны, Виктор меня не поймет.

— А меня ты не хочешь понять? — спросила я. — Ты хоть понимаешь, каково мне сейчас? Сидеть в больнице, смотреть, как твой ребенок борется за свою жизнь, и понимать, что ты совершенно одна?

— Инга, прекрати истерику, — холодно сказала мама. — Ты не одна. Ты с Амалией. И ты должна быть сильной ради нее. Включи уже взрослую женщину, а не капризного ребенка.

— То есть ты не приедешь? — спросила я. Голос сел. Сле-

зы закончились. Осталась только пустота.

— Приеду завтра, — повторила мама. — Все, давай, мне некогда, меня Виктор зовет. Мне уже пора. Целую вас. Позвони, если что-то изменится.

Глава 4.

— Если что-то изменится, я позвоню в морг, — сказала я.

— Инга! — мамин голос дрогнул. — Не смей так шутить!

— Я не шучу, — сказала я. И повесила трубку.

Села на койку. Обхватила себя руками. Меня трясло.

Никто не придет. Ни муж. Ни мама. Давид — у своей любовницы. Мама — в ресторане с новым кавалером.

А я сижу в больничной палате, и моя дочь борется за жизнь.

— Мамочка, — раздался тихий голос.

Я подняла голову. Амалия стояла в дверях в сопровождении медсестры. Сонная, бледная, с огромными синими кругами под глазами.

— Мы сделали снимки, — сказала медсестра. — Скоро врач скажет результат.

Амалия отпустила руку медсестры и сама, маленькими неуверенными шагами, подошла ко мне. Взобралась ко мне на колени и прижалась всем тельцем.

— Мама, ты плакала? — спросила она, глядя мне в лицо своими ясными глазами.

— Нет, солнышко, — я улыбнулась, хотя губы дрожали. — Мама просто немного устала.

— А папа скоро приедет? — спросила Амалия.

Вопрос ударил под дых.

— Папа... папа на работе, — сказала я. — Он очень сильно занят.

— А бабушка?

— Бабушка тоже... занята, — выдавила я.

Амалия помолчала. Потом обняла меня за шею своими маленькими ручками.

— Я люблю тебя, мамочка, — прошептала она. — Я скоро поправлюсь и мы с тобой пойдем гулять.

Я снова заплакала. Но теперь это были слезы облегчения.

— Моя Ами, — прошептала я, целуя её в макушку. — Моя самая лучшая девочка на свете.

Вошла врач с рентгеновскими снимками. Ее лицо было серьезным и строгим.

— Диагноз подтвердился? — спросила я, читая ответ на ее лице.

— Да. У нее запущенная двусторонняя пневмония, — кивнула врач.

Я прижала Амалию крепче.

— Она же поправится? — спросила я. Голос был ровным. Слез уже почти не осталось.

Врач внимательно посмотрела сначала на меня, потом на Амалию.

— Если бы вы приехали днем позже, я бы не давала никаких гарантий, — сказала она. — А сейчас мы будем лечить-

ся. Лечение конечно тяжелое: антибиотики, капельницы, ингаляция. Но шансы на выздоровление очень высокие.

— Мы со всем справимся, — сказала я. И сама удивилась тому, как твердо прозвучал мой голос.

Врач кивнула.

— Где ваш муж? — спросила она. — Нужно привезти вещи, документы...

— У меня нет мужа, — сказала я. — Я одна.

Врач помолчала. Потом положила руку мне на плечо.

— Тогда держитесь, мамочка, — сказала она. — Ради дочки.

Она вышла. Амалия уснула у меня на руках — утомленная, бледная, но уже без температуры.

Я сидела, смотрела в окно на темное небо и думала о том, что Давид сейчас с любовницей. Мама в ресторане с кавалером.

А я здесь, с дочерью одна. И больше никого нет рядом.

— Ну и ладно, — сказала я вслух. — Мы сами справимся. Да, Амалия?

Она не ответила — спала крепким сном.

Я поцеловала ее в лоб.

— Мы сильные: ты и я, — прошептала я. — Потому что мы остались вдвоем, но нам никого и не нужно. Главное, чтобы ты поправилась и все будет хорошо.

Телефон завибрировал. Мама прислала сообщение: «Приеду завтра к 10. Держись там. Целую».

Я прочитала и убрала телефон. Не стала даже отвечать.

Давид видимо еще не вернулся с «совещания», поэтому сообщений от него не было.

Все были заняты своими делами.

Медсестра принесла раскладушку, поставила рядом с койкой Амалии. Я легла, взяв дочь за руку.

— Спокойной ночи, мой маленький боец, — прошептала я. — Завтра у нас начнется новая жизнь.

Амалия вздохнула во сне и сжала мою руку в ответ.

За окном уже светало. Я закрыла глаза.

И впервые за долгое время я не чувствовала себя одинокой. Потому что поняла: одиночество — это не когда рядом нет людей. Одиночество — когда те, кто должен быть рядом, выбирают других.

Но я не одна. У меня есть Амалия. А у Амалии есть я.

И этого достаточно.

Глава 5

Второй день в больнице тянулся невыносимо медленно. Утром Амалие стало немного легче: температура упала до тридцати восьми, она даже попросила есть. Я кормила её жидкой кашей из больничной столовой, и липкий ужас, поселившийся во мне вчера, потихоньку отпускал. Страх за её жизнь никуда не делся, но теперь к нему примешивалась новая, ледяная ясность.

Я решила подать на развод.

Эта мысль созрела ещё ночью, пока я лежала на жёсткой

раскладушке и слушала ровное дыхание дочки. Я перебирала в памяти последние годы нашей жизни, пытаюсь найти тот момент, когда Давид стал другим. А потом поняла: он не менялся. Он просто перестал притворяться.

Вспомнилась наша свадьба, его горячие обещания беречь и любить меня до конца жизни. А уже через полгода после родов начались первые претензии: «ты меня достала», первые сброшенные звонки, первые ночные исчезновения под предлогом «я на работе». Я была слепа. Или просто не хотела ничего видеть. Теперь пелена спала. Человек, с которым я живу, не любит меня. Не уважает. И, скорее всего, никогда не любил.

Я открыла банковское приложение. На моём счету лежали мои личные сбережения: то, что мне удалось накопить. Сумма, конечно, скромная, но её хватит на небольшую квартиру на окраине. Не совсем идеальное жильё, конечно, но своё. Наше с Амалией. Я закрыла приложение. Внутри стало тихо. План был. Деньги были. Выход был. Оставалось только дожидаться выздоровления дочери и начать всё сначала. Без него.

Весь вчерашний день Давид не звонил. Ни одного сообщения, ни пропущенного. Мама приехала утром, посидела час, пообещала вернуться завтра и ушла. Я не стала её удерживать.

А сегодня, ближе к обеду, телефон в моих руках резко завибрировал. На экране высветилось его имя. Давид. Прошло

почти двое суток с тех пор, как я увезла дочь в больницу, а он впервые вспомнил о нашем существовании.

Я приняла вызов. Не потому, что хотела услышать его голос. А чтобы посмотреть, как далеко зайдёт его безразличие.

— Инга, — его голос звучал сухо, без капли участия. — Я приехал домой. Там пусто. Вы где прохладаетесь?

— В больнице, — ответила я ровно. — В детской реанимации.

Он помолчал секунду. Потом фыркнул:

— Ты серьёзно? Что вы там делаете?

— У Амалии двусторонняя пневмония, Давид. Врачи сказали, что если бы мы приехали на день позже, не дали бы никаких гарантий на выздоровление. Так что да, мы до сих пор здесь.

— Не дали бы никаких гарантий? — в его тоне прозвучало холодное недоумение. — Инга, хватит раздувать из мухи слона. Пневмония лечится стандартным курсом антибиотиков. В наше время дети от этого не умирают.

Я закрыла глаза. Пальцы побелели от того, как крепко я сжимала телефон.

— Дети умирают, Давид. Каждый день. И если ты так не думаешь, значит, ты просто не был рядом с нами и не видел, как Амалии было плохо.

— Я был занят! — голос стал жёстким, злым. — Я был занят работой, Инга. Я обеспечиваю ваш комфорт, пока ты неизвестно чем занимаешься. И не нужно сейчас опять

включать жертву.

— Ты даже не позвонил мне, — прошептала я. — Даже не поинтересовался о том, как себя чувствует твоя дочь.

— У меня были важные переговоры, — отрезал он. — Я не могу каждые пять минут отвлекаться на твои истерики. Ты же знаешь, как я устаю на работе.

— Это были не переговоры, Давид, — сказала я так спокойно, что сама себя удивила. — Ты был у своей любовницы Алёны.

В трубке повисла глухая тишина. Потом раздался короткий, сухой смешок.

— Откуда ты про неё узнала? — спросил он. В голосе не было растерянности. Только холодное раздражение.

— Ты забыл сбросить звонок в тот вечер. Я слышала всё. Как ты жаловался ей на меня. Как обещал со мной развестись, когда Амалия подрастёт. Каждое твоё слово, Давид.

Он помолчал. Я ждала.

— И что ты хочешь от меня услышать? — его тон стал цинично-практичным. — Извинения? Оправдания? Инга, давай без вот этих твоих драматических спектаклей. Ты сама довела меня до этого состояния. Вечно в растянутых пижамах, с вечным нытьём, ты перестала быть просто женщиной. А я... я просто искал ту, с кем можно нормально общаться и проводить время без выноса мозга. Разве это преступление?

Внутри меня что-то окончательно разбилось. Не осталось ни боли, ни обиды. Зато появилось ледяное спокойствие.

— Значит, это я во всём виновата? — переспросила я.

— А кто же ещё? — он даже не повысил голос. Просто констатировал. — Я не изменился, это ты изменилась. Перестала следить за собой, заиклилась на ребёнке, превратила наш дом в филиал поликлиники. Думаешь, мне приятно возвращаться к уставшей женщине, которая видит во мне только кошелёк и няньку?

— Это же наш ребёнок, — тихо, но твёрдо сказала я. — Она твоя дочь.

— Вот именно. Наша. А ты ведёшь себя так, будто весь мир крутится только вокруг неё, а меня не существует. Но ты даже за ней уследить не смогла, довела до больницы.

— То есть то, что пневмония у дочки — тоже моя вина?

— А чья ещё? — он говорил спокойно, почти скучающе. — Кто сидит с ней дома? Ты. Кто отвечает за её здоровье? Ты. Ты довела ребёнка до такого состояния своей гиперответственностью, а теперь пытаешься всё повесить на меня. Я работаю. Я приношу деньги в дом. Это моя обязанность. А твоя — следить за тем, чтобы в доме было тепло и уютно. Но ты даже с этим не справилась.

— А я что, по-твоему, не работаю? — перебила я. — Я нахожусь с дочерью двадцать четыре часа в сутки. Не сплю, когда она болеет. Вожу её по врачам. Готовлю, убираю, стираю. Не моя вина, что Амалия так часто болеет... А ты даже ни разу меня не выслушал, не поддержал, не пожалел...

— Не начинай, — он зевнул. — Я стараюсь дать ей всё.

Дом, еда, лучшие врачи — это всё на мои деньги. А ты требуешь участия? Это не входит в мои обязанности, мне некогда этим заниматься.

— А где ты был весь вчерашний день и как я полагаю ночь? Тоже зарабатывал деньги???

— Я не обязан перед тобой отчитываться, — холодно отрезал он. — Я мужчина. Я могу делать всё, что хочу. А ты приняла правила этой игры, когда вышла за меня замуж. Я свободный человек!

Я глубоко вдохнула. Посмотрела на спящую Амалию. Маленькую, бледную, с капельницей в руке. Такую родную...

— Ты прав, Давид, — сказала я. Голос звучал ровно, спокойно. — Знаешь, отныне ты свободен. Потому что я подаю на развод.

В трубке повисла длинная пауза. Потом раздался громкий смех.

— Ты сейчас серьёзно? — его голос стал насмешливым. — Инга, опомнись. Да кто ты без меня? Никто. Куда ты пойдёшь? Что будешь делать? У тебя нет профессии, нет связей, нет жилья. Ты же всю жизнь сидела дома. Ты же ничего не умеешь!

— Научусь, не переживай, — ответила я спокойно. — Ради дочери я смогу всё. Я найду работу, подам на алименты. Суд будет на моей стороне.

— Суд? — он рассмеялся. Зло. — У меня лучшие юристы. У меня жильё и работа. Ребёнок останется с тем, кто сможет

обеспечить ему будущее. Не надейся, что она останется с тобой. Я отберу её у тебя!

— Попробуйся, — сказала я. — Будь честен с самим собой: а нужна ли она тебе? И нужен ли ты будешь любовнице с ребёнком на руках?

— Инга, — его тон резко изменился. Стал тихим, тягучим, манипулятивным. — Давай не будем наломать дров. Приезжай домой, и мы поговорим. Ты просто устала, нервы сдают. Завтра ты пожалеешь о своих словах.

— Я не на нервах, Давид. Я спокойна. Моё решение окончательное. Если хочешь увидеть дочь — приезжай в больницу, палата триста двенадцать. Если нет — ничего страшного, мы и сами без тебя справимся.

— Инга, подожди...

— Всё. Мне пора. Амалия просыпается.

Я нажала на красный значок и отложила телефон в сторону.

Рука слегка дрожала, но внутри была странная, непривычная лёгкость. Будто из груди наконец-то вынули камень, который давил на меня годами.

Экран тут же загорелся снова. Давид позвонил снова. Я перевела телефон в беззвучный режим и убрала его в карман.

Амалия открыла глаза. Посмотрела на меня сонно, но уже осмысленно.

— Мама... — прошептала она. — Папа скоро придет?

— Не знаю, солнышко, — сказала я, поправляя одеяло и глядя её по волосам. — У папы очень много работы.

— Да, — кивнула она. И слабо улыбнулась.

В коридоре слышались шаги: медсестра несла новую капельницу. День продолжался. Лечение шло своим чередом.

Но я точно знала: самое трудное уже позади. И это не болезнь дочери. Это окончательная точка, поставленная в отношениях с человеком, с которым я прожила три года.

Глава 6.

Амалия пошла на поправку даже быстрее, чем обещали врачи. На четвертый день ей сняли капельницу — синяк на локте еще долго напоминал мне о том, как она меня напугала. Когда ей разрешили вставать, в моей душе наконец-то стало спокойнее.

Она снова стала той самой Амалией. Снова звала меня «мамочка» и просила рассказать сказки на ночь. К концу первой недели мы начали выходить в коридор. Дочь шла осторожно, крепко держась за мою руку. Она была еще слабой, но шаг с каждым днем становился увереннее.

Давид больше не звонил. После того разговора пришло только одно сообщение: «Ты пожалеешь. Я сделаю так, что дочь останется со мной. Одумайся, пока еще не поздно». Я прочитала, удалила диалог и заблокировала его. Стало легче, будто я наконец-то закрыла тяжелую дверь.

Мама заходила еще дважды. Сидела недолго, постоянно поправляла одежду и смотрела на внучку так, будто чувство-

вала себя виноватой. В последний раз я прямо сказала ей, чтобы она больше не приезжала и не мучила себя. Она даже не спорила — просто кивнула и ушла.

На десятый день Амалия отказалась от больничной каши. — Хочу вкусный суп, — сказала она. — С мелкими макаронами.

Я пообещала принести еду и спустилась в кафетерий на первом этаже — купить кофе и посидеть хоть пять минут в тишине.

В кафе пахло пирогами свежеприготовленной едой. Я сидела у окна, смотрела на серое небо и искала в телефоне жилье. Нашла однушку на окраине города по приемлемой цене: обычная хрущевка, зато рядом с садиком. Это было мне на руку. Ведь в дальнейшем я собиралась выйти на работу.

Я уже собиралась уходить, когда дверь открылась с резким стуком. Вошел Давид. Он прошел через зал и сел напротив меня, даже не спросив разрешения присесть. Ключи от машины громко ударились о пластик стола.

— Инга.

Я постаралась не показать своего страха. Просто молча посмотрела на него.

— Зачем ты пришел?

— Решил навестить свою дочь. Имею на это право, — он говорил спокойно, но я видела, как он внимательно следит за моей реакцией.

— Она в триста двенадцатой палате. Можешь к ней под-

няться.

— Погоди, — он не двигался. — Ты действительно серьезно сказала насчет развода?

— Да.

Давид откинулся на стуле и посмотрел на меня свысока. — Ты хоть понимаешь, с кем в игры играешь? Инга, у меня везде есть свои связи. В судах, в опеке, в полиции. Я всех могу купить, и ты это прекрасно знаешь. У тебя нет ни единого шанса на победу. Подашь на развод — я заберу Амалию просто потому, что я так решил.

Я сжала стакан с кофе. — Тебе ведь даже не нужна дочь, Давид. Ты вечно на работе или со своими любовницами, уверена, Алена далеко не первая в этом списке. Зачем тебе ребенок?

Он наклонился ко мне, и его голос стал жестким, без капли притворства: — Она мне и не нужна. Ты права, возиться с ней я не собираюсь — найму няnek, а когда подрастает, уедет в закрытую школу. Но я заберу её для того, чтобы проучить тебя. Чтобы ты знала свое место и понимала, что бывает с теми, кто идет против меня. Ты останешься ни с чем, одна. Это будет тебе уроком на всю жизнь.

От его слов по спине прошел холод. Это было сказано так буднично, что мне стало тошно. — Давай без глупостей, — продолжал он. — Забирай заявление. Возвращаемся все вместе домой. Я найму няню, дам тебе денег. Живи как хочешь, только не позорь меня своими судами. Включи уже

здравый смысл, ты уже давно не маленькая.

— Здравый смысл? — я посмотрела ему прямо в глаза. — Ты хочешь, чтобы я жила в твоём доме как прислуга, зная, что ты гуляешь направо и налево?

Он пожал плечами. — Зато у тебя будет стабильность.

Я смотрела на него и не понимала, как могла столько лет любить этого человека. Сейчас передо мной сидел чужой, расчетливый мужчина. Страх прошёл. Осталась только злость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.